

вилъ по себѣ глубокіе слѣды. Въ конституцію включены постановленія о томъ, что вопросъ о формѣ правленія не можетъ уже подлежать пересмотру, что президентами республики не должны быть избираемы члены царствовавшихъ фамилій и что для сенатскихъ выборовъ будутъ установлены новыя правила, съ устраненіемъ пожизненности. Эти принципы, принятые конгрессомъ послѣ долгихъ споровъ и бурныхъ сценъ, не измѣнили положенія ни въ чемъ существенномъ: монархисты продолжаютъ вѣровать въ свое будущее торжество; графъ Андинъ продолжаетъ доказывать превосходство анжуйскихъ Бурбоновъ предъ орлеанскими; клерикалы нападаютъ на графа Парижскаго за его либерализмъ, а непримиримые не отчаиваются въ наступленіи такой революціи, которая сразу исполнитъ всѣ желанія ихъ партій. Радикалы сошлись съ бонапартистами въ отрицаніи правъ конгресса на дѣйствительный пересмотръ конституціи; они требовали созыва учредительнаго собранія, о чемъ никто не думалъ въ странѣ. Послѣ того какъ конгрессъ окончился, они обнародовали заявленіе, въ которомъ высказываютъ рѣшимость добиваться новой, настоящей „ревізій“, такъ какъ исправленная нынѣ конституція не соответствуетъ еще ихъ идеаламъ. Въ сущности весь вопросъ о пересмотрѣ былъ искусственно созданъ партіями и очень мало интересовалъ населеніе. Всякій понимаетъ, что республика держится прочно не потому, что объ ней существуютъ извѣстныя постановленія въ законѣ, а потому, что она имѣетъ въ себѣ жизненную, фактическую силу, которой противостоятъ только разрозненные кружки идеалистовъ и доктринеровъ стараго закала. Даже политическіе и журнальные дѣятели не увлекались пересмотромъ; они хлопотали больше для очистки своей совѣсти и заботились лишь о скорѣйшемъ окончаніи конституціоннаго кризиса. Масса публики смотрѣла на конгрессъ, какъ на невинное развлеченіе; нельзя было ожидать никакого восторга или воодушевленія по поводу забытыхъ дополнительныхъ поправокъ къ конституціи. Казалось-бы, что въ такое время странно было-бы поднимать вопросъ объ учредительномъ собраніи и о коренной „ревізій“ республиканскихъ учреждений; общее равнодушіе, смѣшанное съ ироніею, сопровождало призывы крайнихъ „ревізійонистовъ“.

Надо только удивляться, что безцѣльные проекты, не имѣющіе никакихъ шансовъ осуществленія, горячо поддерживаются такимъ опытнымъ ораторомъ, какъ докторъ Клемансо. При жизни Гамбетты, Клемансо считался наиболѣе виднымъ соперникомъ и вѣроятнымъ преемникомъ его; онъ поддерживалъ свою репутацію смѣлыми и искусными нападками на „диктатора“. Но Гамбетта умеръ, и депутатъ Клемансо пришлось играть роль самостоятельнаго вождя радикаль-